

Филиппова А. В.
A. V. Filippova

ИРОНИЯ В СТРУКТУРЕ «НЕСЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ» У Г. ГЕГЕЛЯ

IRONY IN THE STRUCTURE OF THE “UNGLÜCKLICHE BEWUßTSEIN” (UNHAPPY CONSCIOUSNESS) OF G.F.W.HEGEL

Филиппова Алина Валерьевна – старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690013, г. Владивосток, ул. Чернышевского д. 3, кв. 308. E-mail: texce@yandex.ru.

Mrs. Alina V. Filippova - Senior Lecturer at the Department of Personnel Management and Labour Economics, the Far-Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690013 Vladivostok, 3 Chernyakhovsky St., apt. 308. E-mail: texce@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему иронии в структуре «несчастливого сознания» по Гегелю. Исследуется роль иронии в процессе становления человеческой субъективности.

Summary. The paper examines the problem of irony in the structure of «unhappy consciousness» according to Hegel. The role of irony in the making of human subjectivity is investigated.

Ключевые слова: субъективность, сознание, бытие, самоирония.

Key words: subjectivity, consciousness, being, self-irony.

УДК 113.165.62

В системе гегелевского идеализма всякая реальность производна от самодвижения абсолютного духа. Суть же самодвижения заключается в том, что дух создаёт какую-либо конечную определённую и преодолевает её, реализуя, тем самым, интенцию в бесконечность.

Всякая конечность, по Гегелю – абстрактна. Абстрактна в том смысле, что не существует сама по себе без соотносённости с бесконечным. Следовательно, и человек, и человеческая субъективность производны от Абсолюта. Точнее, Абсолют – есть бесконечно «саморазвивающееся начало», познающее и утверждающее себя посредством конечного (в том числе и человека).

В «феноменологии духа» конечная человеческая субъективность мыслится как движение самосознания, достигающее полного знания о себе через ряд диалектически снимающих друг друга стадий – стоицизм, скептицизм, «несчастное сознание». В контексте этого самодвижения рассмотрим роль иронии в структуре становления самосознания.

Суть гегелевского понимания иронии представлена в его «Философии права». Его адекватная интерпретация необходимо связана с тем местом «Феноменологии духа», где раскрывается диалектика «достоверно знающего себя разума». Сама по себе субъективность есть «бытие-в-себе-и-для-себя». Она внутренне противоречива в силу абсолютной разнонаправленности её векторов – к бесконечному и конечному.

Первый шаг становления субъективности описывается Гегелем в терминах «стоицизма». «Стоическое» сознание («бытие-в-себе»), по его мысли, связано со становлением сферы автономного и, следовательно, с негацией всякого подчинения иному. Оно – суть формальная и абстрактная «свобода от...» (порывов, страстей, свобода от самой жизни). Здесь сфера «внутреннего» есть лишь чисто формальное равенство самому себе. Дух погружён в себя так, что всякое разделение на противоположность сознания и предмета сливается с самим

«Я». Субъективность не видит «в себе» внешней ей сущности, но видит лишь себя. Ей «недостаёт силы отрешения», силы «сделаться вещью и выдержать бытие». Она «живет в страхе, боясь запятнать великолепие своего «внутреннего» поступками и наличным бытием» [1, 353]. Эту фигуру Гегель называет истлевающей внутри себя «прекрасной душой».

«Стоическое» сознание диалектически перерастает в «скептицизм», преобразующий отрешённость от мира в установку его отрицания. «Скептицизм» опустошает человеческую субъективность и приводит её к противоречивости, разладу с собой. Это становится явным в «несчастном сознании».

Так, в контексте становления морали гегелевский Дух исходно определяет себя как «в-себе-бытие» в виде абстрактной совести, безотносительной к какому бы то ни было должествованию. Совесть в данном случае «возвеличивается над всяким эмпирическим содержанием долга вообще». Эту совесть Гегель называет «богослужением внутри себя самой».

В «несчастном сознании» Дух разрывается между сообщённой им себе свободе и случайным сознанием раба.

В качестве совершающей поступки совесть поначалу свободна от конкретно-определённого долга. Но на основе его содержания, которое к тому же есть лишь всеобщее и «слова», она создаёт определённое содержание, заимствование из себя самой. В этом моменте субъективность и начинает выступать как ирония. Последняя представляет собой не что иное, как субъективность, которая играет своим содержанием. Долг приобретает значение лишь момента, на котором она определяет себя, используя его только как внешнее, не имеющее собственной ценности, «играет» им. Даже осознанное зло не было бы таким лицемерием духа, «играющего» долгом и противопоставляющего ему «свою» совесть в качестве абсолютного критерия добра.

Увлечённый красотой «своей» души, дух к уничтожению долга примешивает ещё и тщеславное наслаждение собой. Для него этот долг, поскольку он только и служит его самоопределению, случаен настолько, что в своём содержании не заслуживает того уважения, которое должно играть собственное моральное убеждение духа. Этот лукавый дух боится запятнать своё великолепие однозначным поступком, который сразу вынесет его в сферу всеобщего, грозящего возможным осуждением. «Прекрасная душа настолько ранима, что может лишь посмеиваться над всеми, ускользя в себя от всякой критики за пелену своей недоступной всем субъективности» [2, 193].

Взаимодействие с реальностью осуществляется по принципу: «господин и раб». В данном случае «господин» есть некий абсолют, трансцендентальное сознание, в то время как «раб» представляет собой человеческое несвободное сознание. «Господин» вынужден использовать «раба», для того чтобы иметь возможность реализации в вещах, но тем не менее он не способен обнаружить некую потенцию для самого себя, поскольку «раб» подчинён господину. В то время как «раб» имеет такую возможность, «господин» позволяет ему обнаружить в нём сознание.

Понятие о сознании представлено как абсолют, тождественный самому себе в процессе возврата к себе. Таким образом, «бытие-в-себе и для-себя» – «несчастное сознание», согласно Гегелю, опосредованное, представленное рефлексией в себе по отношению к другому с целью обособления себя. Речь о сознании «абсолютном» и «конечном», посредством взаимодействия которых рождается самосознание – рефлексия чувственного бытия и воспринимаемого мира. Самосознание всегда тождественно самому себе, а это значит, говорит Гегель, что оно есть «вожделение», цель которого постоянное движение к этому тождеству.

Порядок взаимодействия с окружающим миром осуществляется посредством абсолютного и конечного сознания. Абсолютное сознание использует конечное, для абсолютного сознания любая вещь это ничто, т.к. оно самостоятельно, в то время как конечное сознание, в своей несамостоятельности взаимодействуя с вещью, обличает несоответствие. Это самое несоответствие и позволяет абсолютному сознанию совершить возврат к себе. Подобное отношение, при котором сознание должно содержать в себе другое сознание и есть, по Гегелю,

«несчастье» и сознание в таком двойственном отношении всегда «несчастное». Поэтому и человеческая субъективность «несчастлива» по своей природе.

Конечная субъективность, познавая, в конечном итоге возвращает субъекта к самому себе, замыкая герменевтический круг. «Несчастно» наше сознание ещё и потому, что, достигнув своей самости, оно потеряло «всеобщее» и замкнулось на себе. «Всеобщее» как абсолют содержит в себе другое сознание, единство здесь основано не на похожести, а на противоположенности.

То есть «всеобщность», связующая воедино, в составе некоторого «целого», два или более явления, таится вовсе не в их одинаковости друг другу, а в необходимости превращения каждой вещи в ее собственную противоположность. Такие два явления как бы «дополняют» одно другое «до целого», поскольку каждое из них содержит такой «признак», которого другому как раз недостает, а «целое» всегда оказывается единством взаимоисключающих – и одновременно взаимопредполагающих – сторон.

Ирония же, как проявление субъективности «конечной» открывает перспективы перед субъектом, позволяя играть с содержанием собственной субъективности. Как говорит Гегель, познание здесь и сейчас невозможно без связки с «везде и всегда». Получается, что социокультурное выступает как измерение человеческой сущности. В данном контексте ирония выполняет очень сложную и поливалентную функцию: проявление «конечной» субъективности (возможность выброса энергии, снятия напряжения), затем рефлексия (соотнесение своих желаний и представлений с общественными) и в конечном итоге оценка своих переживаний и более того оценка общепринятых социальных норм.

Ирония есть работа над собой как самоирония и ирония как индикатор ценностно-нормативных отношений в обществе. Индивидуальное неотделимо от общественного, сама культура рождается благодаря общественному, но посредством индивидуального, как работа над собой. Иронией переживается противоречие, приходится изменяться, играя внутренним содержанием. Внутри каждого индивидуума есть «раб», который должен подчиняться общественному порядку. Выпадение из этого порядка способно вызвать когнитивный диссонанс в индивидуальном сознании субъекта. Возвращение в объективную реальность возможно посредством самоиронии и иронии как таковой, в целом.

Следовательно, «здоровое» иронизирование является лишь формой притворного возвращения в субъективность своего духа для противопоставления её своему оппоненту.

С этой точки зрения ирония есть суть форма преподносимого содержания. Ироничность – феномен, перманентно присутствующий в человеческой культуре, но с разной степенью интенсивности.

Таким образом, наше собственное содержание есть продукт общественного, усилие, предпринимаемое индивидуумом для противопоставления своего собственного «Я» общественному «МЫ» с целью формирования самосознания. Возникает это благодаря специфическому способу переживания – иронии. Ирония формирует наше самосознание, вычленяет нашу субъективность. Как феномен амбивалентный по своей природе заставляет плакать и смеяться одновременно. Ирония помогает увидеть приобретение в потере и то, что конечная субъективность сама себя создающая индивидуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. Ч. 1 / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Шпета. – СПб.: Наука, 1992. – 443 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. В. С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Дробышева, Е. Э. Ирония в аксиосфере культуры постмодерна / Е. Э. Дробышева. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2006. – 207 с.
4. Рекурсивное и дискурсивное в структуре смыслообразования / под ред. В. А. Сакутина. – М.: Смысл, 2004. – 206 с.